

ХОРОШИЙ ПОВОРОТ

ЕСЛИ ВЫ останетесь сегодня у театральной афиши Республиканского русского театра драмы и если вы вскарабкаетесь «болельщицей», то афиша эта, без сомнения, порадует вас. Вы заметите, что из репертуарного календаря театра исчезли, какое-то, все эти «Дикари», «Соловьи» в всякие прочие театральные «Несчастные случаи». Весь этот бумет второсортной драматургии, естественно, не мог не разочаровать многих зрителей — спектакли проходили при полупустом зале.

Поворот в репертуарной практике театра, возвращение к настоящей, содержательной драматургии начались с прошлогоднего октябрьского спектакля «Оптимистическая трагедия» Всеволода Вишневского. Театр стал упорно и настойчиво стремиться к современной теме, к раскрытию на сцене лучших черт советского человека, показу героев, достойных поощрения, способных увлечь, зажечь сердца зрительного зала. Вслед за «Оптимистической трагедией» театр поставил драму А. Салынского «Барabanщица», новую комедию А. Софронова «Стрелуха». Недавно состоялась премьера драматической повести И. Штока «Икорная площадь». И не удивительно, что сегодня под окошечком кассы нередко можно увидеть табличку «Все билеты проданы». Зритель вернулся в театр.

А. М. ГОРЬКИЙ в «Земляках и мешанине» приводит древнюю мудрость, дающую удивительно простую и ясную формулу индивидуального и социального поведения: «Если я не за себя, — то кто за меня? Но если я только за себя — зачем я?» Мещанин охотно принимает первую половину формулы, говорит Горький, и не может вставить другой. Драматург коммунист Вишневский в «Оптимистической трагедии» блестяще раскрывает новое, коммунистическое понимание этого «зачем я?». Цель жизни человека — борьба за будущее, за общее светлое будущее людей. Эта мысль, пронизывающая пьесу Вишневского, прозвучала в спектакле нашего драмтеатра не в полную силу. Чем уже писалось на страницах «Казантвской правды». Но сейчас нам хочется сказать не об этом, а о том, что основная мысль «Оптимистической трагедии» служила театру компасом при выборе следующих пьес для своего репертуара.

Нетрудно заметить своеобразную преемственность «Барabanщицы» и «Икорной площади» по отношению к «Оптимистической трагедии». Обе эти пьесы — каждая по-своему — как бы продолжают ту же философскую тему «зачем я?», тему долга человека, долга перед будущим, перед своим народом. Ознакомясь с Штока оказалась в этом смысле несостоятельной.

«Содержание и форму пьесы определяет драматург. Нашей же задачей является отыскать, услышать, увидеть, ощутить индивидуальный строй данной пьесы и переложить все это на язык сцены», — это слова одного из ведущих мастеров советского театра лауреата Ленинской премии Г. Товстоногова. Работа режиссера А. Утеганова над спектаклем «Барabanщица» является хорошим примером того, как постановщик удалось ощутить особый, неповторимый строй данной пьесы. Режиссер сумел увлечь внутренний мир пьесы Салынского, сумел найти ту единственную, ту максимальную сценическую выразительность именно для этой пьесы, которая и есть не что иное, как реализм, и не что иное, как театральность.

Может быть, самое драгоценное в спектакле, в работе способной молодой актрисы Л. Нильской — это именно то, что ее героиня «объювенна». Поэтому-то веришь ей во всем до конца. Зритель не сомневается, что эта тоненькая девушка с ясными, умиными глазами и маленьким упрямым ротом обладает бесстрашием и щестью, которые дали ей возможность под видом легкомысленной переводчицы вести работу разведчиков в самом логове врага. И сейчас, когда город освобожден от фашистов советскими войсками, но сохраняется напряженная, тревожная прифронто-

вая обстановка, Нила не может выйти из нелегального положения. Она вынуждена по-прежнему носить маску, оставаться для окружающих «немедкой очарованной», легкомысленной «фрау Нильдой». Но это невыносимо мучительно — ощущать незаслуженную ненависть и презрение своих, советских людей, ради которых ежедневно рискуешь жизнью.

Актриса отлично передает всю сложную гамму мыслей и чувств своей героини. Что бы она ни делала, в любую минуту своей сценической жизни Нильская-Нила тонко, неимитационно дает понять ту историю, свою, настоящую душевную жизнь. Моментами эти сдерживаемые искренние чувства выходящие помимо ее воли вырываются наружу, и всякий раз она берет себя в руки и вновь надевает маску.

Игра Нильской отмечена глубокой эмоциональностью, судьба, душевная борьба ее юной героини по-настоящему волнуют, трогают зрительный зал. Достаточно вспомнить исполненное неподдельного чувства сцену Нилы с Эдиком, когда они вместе поют песню про юного барabanщика, или финал первого акта, или, скажем, радостный приход Нилы с сообщением об успехах советских войск, и затем горькую обиду от Зойкиных слов: «А тебе что за радость?»

Да и весь спектакль в целом смотрится с небезразличным интересом и волнением. Он отличается хорошим актерским ансамблем. Сочно выдут свои роли народные артисты Казахской ССР Л. Майтель и заслуженный артист Казахской ССР Ю. Померанцев. Они создают яркие, запоминающиеся портреты хитрой, наглой фанатки с душой хамелеона — Туркбой и мерзкого, ничтожного Круглика, пытающегося еще и оправдать свою низость какой-то там «философией».

Радует в «Барabanщице» Е. Попов. До сих пор зрители привыкли видеть его в ролях характерно-комедийного плана. Здесь Попову предстояло создать «серьезный», содержательный характер положительного героя. «Эксперимент» этот удался. Попов создал достоверный привлекательный образ Федора — пылкого и душевного, непримиримого и по-настоящему чистого.

Нила Синицкая гибнет на самом пороге своего счастья, до конца выполняя свой долг. Вместе с чувством жалости и боли гибель ее вызывает у зрителей и чувство восхищения и гордости за советского человека, за красоту его духовного облика. В этом большое воспитательное значение спектакля.

А ЧЕМУ учит, к чему зовет «Икорная площадь» И. Штока? Признаться, дважды просмотрев спектакль, мы так и не поняли этого. Сначала явно привлекает, заинтересовывает эта пара — старший матрос Сергей Селянин и дочь контр-адмирала Чemezова Тата, студентка Ленинградского университета. Они учились вместе в школе, еще тогда полюбили друг друга. Три года разлуки только укрепили их чувство. Прошел год, как они не виделись, и вот они снова вместе. Встреча Сергея и Таты написана драматургом свежо, интересно и вполне успешно решена театром. Режиссеру А. Утеганову, артистам Л. Нильской и Е. Попову удалось найти здесь особую поэтическую настроянность, передать неповторимый аромат непосредственности юношеских чувств.

Но до чего же обидно непознание все дальнейшее в пьесе на эту многообещающую завязку!

В конце свидания происходит событие, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор. Сергею пора идти на работу, у него увольнительная до 23 часов. Влюбленным трудно расстаться, и Сергей... остается еще на час, скрывая Тате, что увольнительная у него до 24. Этот «рыцарский» поступок старший матрос сопровождает любительной сентенцией: «Говорят, за все на свете нужно платить. За все и счастье быть вместе». Откуда эта философия из кокомольца, у нашего советского джаря, родившегося в советском году? Какая фальшь, ядушность!

Но беда не только в этом. Ну, хорошо, допустим, совершил Сергей подвиг. Это показало ему благородным по отношению к любимой, романтичным. Можно было бы поехать автору, если бы дальнейшим ходом событий он развеивал эту догадку, как-нибудь «романтично», доказав, что, кроме глупости, разгильдяйства и преступления, здесь ничего нет. Так нет же — автор пошел по другому пути. Лодка, на которой служит Сергей, неожиданно уходит в море ровно в 23 и по каким-то причинам не всплывает, остается на дне. Гибнут товарищи и среди них друг Сергея и Таты —

Валерка, ставший на пост отсутствующего Сергея.

И все это понадобилось драматургу лишь для того, чтобы создать в дальнейшем всевозможные душевные патетические мелодраматические ситуации, ничего общего с жизненной правдой не имеющие.

Как же ведут себя герои пьесы в этих обстоятельствах? На наш взгляд, просто недостойно.

Весь смысл дальнейших событий сводится к тому, что Сергей терпеливо, раскинувшись в своем постелке, а все его окружающие — и Тата, и контр-адмирал, и мать погибшего Валерика Анна Петровна, и капитан Бондарь — понимают это и, так сказать, сострадают ему.

Ну, уж коли вышло театр за такую пьесу, так надо было хоть от нестесня и ней разумно, критически. Режиссеру обязательно следовало адекватно пройти по тексту пьесы карандашом и изъять из спектакля места, наиболее ложные, априорности сентиментально-слащавые.

Но театр этого не сделал. Вся линия зрительского администрирования Сергея не только не убрана театром, но, к сожалению, еще и усилена. Уходя из дома Чemezовых на флотское комсомольское собрание, где его ждет суд товарищей, Сергей-Попов едва сдерживает самодовольную улыбочку. А Тата-Нильская под завесой прощания с Сергеем уже совсем, как с героем: «До свидания, товарищ старший матрос».

Помните удивительно: как это режиссер Утеганов, художник, сумевший так удачно найти верный мужской тон для слог «Барabanщицы», так безвольно пошел затем на поводу ложной значительности и сентиментальной слащавости драматургического материала?

КОМЕДИЯ А. Софронова «Стрелуха» получала у театральной критики самые положительные, а подчас и восторженные оценки. Не разделяя восторженных преувеличений, мы, однако, не считаем, что «Стрелуху» можно поставить в один ряд с теми легковесными, бездумными комедиями, о которых упоминалось в начале статьи. Выбор пьесы и постановки «Стрелухи» на сцене театра не могут вызвать никакого выражения, особенно, если учесть естественный интерес зрителя к хорошей современной комедии. Легкое, почти доведенное развитие сюжета далеко не главное в комедии Софронова. Основным ее достоинством являются созданные драматургом интересные, человеческие характеры ее героев. Богатый, сочный, образный язык пьесы замечательно передает неповторимое своеобразие этих «земных», сильных душой, горячо любящих жизнь людей сегодняшней Кубани, умеющих щедро трудиться и щедро любить.

Постановщик — главный режиссер театра заслуженный деятель искусств Латвийской ССР А. Лакшич — «серьезно» решает эпическую тему гордой любви и человеческого достоинства. При всем этом... следует отдать должное чувству меры, художественному такту режиссера — Лакшич не «перегибает тему», не усиливает, однако, общего мажорного звучания спектакля. В спектакле живы приметы сегодняшнего дня — житейноутверждающая атмосфера труда, пусть нелегкого, но всегда свободного, радостного.

Исполнительница центральной роли Л. Ярошенко создает, бесспорно, интересный, содержательный и обязательный образ. Ее Павла поначалу не только недотрога, но только остра на язык. В ней есть какая-то закинутость, какое-то особое сочетание сильного характера с трогательной незащищенностью. Пожалуй, это оправданно. Замкнувшись, уйдя в себя, Павла-Ярошенко как бы защищает прошлое своей героини, ее человеческое, ее женское достоинство от возможных или невольных оскорблений со стороны тех небрежно самоуверенных озабоченных, которых она окрестила метким словом «юбки».

Очень хорош в этом спектакле артист И. Бажковский, сыгравший свою роль с удивительно мягкой комедийностью. Новыми красками, настоящим открытием прозвучал для зрителей этот его, такой славный, трогательный, душевно чистый и требовательный бригадир Чайка.

К ЛЕНИНСКИМ дням коллектив готовит «Третью, патетическую» Николая Погодина. Роль В. И. Ленина, как и в ранее поставленных театром «Кремлевских курантах», поручена народному артисту республики С. Ассуирову. Постановка «Третьей, патетической» — постоянная и ответственная задача. От души желаем коллективу Республиканского русского театра драмы больших творческих успехов.

З. МАЙКИН.